

ПОЕЗД 817

ПЕТЛЯ ПОД МОСКВОЙ

ВИКРАМ СИНГХ

Викрам Сингх

Поезд 817. Петля под Москвой.

«Автор»

2026

Сингх В.

Поезд 817. Петля под Москвой. / В. Сингх — «Автор», 2026

«Поезд 817: петля под Москвой» — мистико-техногенная повесть о московском метро, где привычная схема линий оказывается лишь верхним слоем куда более сложной и тревожной реальности. Весной 2017 года после открытия нового участка до «Раменок» часть поездов начинает ходить необычным маршрутом: с Арбатско-Покровской линии через «Парк Победы» на новый жёлтый радиус. Для пассажиров это всего лишь временное удобство, странная, но разрешённая схема движения. Для машинистов и диспетчеров — сложный эксплуатационный режим, в котором слишком много систем должны совпасть без единой ошибки. Вечером 18 апреля поезд 817 отправляется от «Парка Победы» в сторону «Минской» и исчезает. Он не сходит с рельсов, не терпит аварию, не останавливается в тоннеле. Система показывает невозможное: состав ушёл с одного участка, но не появился на следующем. Аварийная группа проходит перегон и находит только пустой тоннель, пыль, кабели и рельсы, по которым восемь вагонов физически не могли исчезнуть.

© Сингх В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Новый маршрут	5
Глава 2. Машинист Кузнецов	11
Глава 3. После Парка Победы	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Викрам Сингх

Поезд 817. Петля под Москвой.

Глава 1. Новый маршрут

В московском метро обычный пассажир видит только то, что ему разрешено видеть. Платформу, световые полосы у края, схему над дверью, рекламу, лица напротив, собственное отражение в тёмном стекле. Он знает, что есть красная линия, синяя, кольцевая, жёлтая, фиолетовая. Он знает, где удобнее пересесть, где лучше встать у двери, на какой станции толпа входит так плотно, что лучше заранее убрать телефон в карман.

Но всё это — метро для пассажиров.

Настоящее метро начинается там, куда пассажир не смотрит. За торцом платформы, в чёрном провале тоннеля, где рельсы уходят не просто вперёд, а иногда в сторону. Там находятся стрелочные съезды, тупики, оборотные пути, служебные соединительные ветви, вентиляционные сбойки, кабельные коллекторы, технические камеры, старые заделы и бетонные стены, за которыми, если верить старым путейцам, может оказаться не пустота, а ещё один забытый вариант города.

Машинисты это знали.

Они не говорили об этом пассажирам, потому что пассажиру не нужна правда. Пассажиру нужно доехать от «Партизанской» до «Курской», от «Киевской» до «Площади Революции», от работы до дома. Ему не надо знать, что под привычной схемой лежит другая схема — серая, служебная, некрасивая, местами перечёркнутая, местами дописанная от руки.

Весной 2017 года эта скрытая схема вдруг стала ближе к обычным людям, чем положено.

После открытия нового участка до «Раменок» часть поездов пошла необычным маршрутом: с востока Арбатско-Покровской линии через «Парк Победы» — дальше, на новый жёлтый радиус. Для пассажира это выглядело почти как фокус без объяснения. Он сел в поезд на синей линии, ехал по знакомому маршруту, а потом после «Парка Победы» слышал в динамике не то, что привык слышать.

— Следующая станция — Минская.

И каждый раз в вагоне кто-нибудь поднимал голову.

Кто-то смотрел на схему над дверью, будто она должна была немедленно измениться. Кто-то поворачивался к соседу. Кто-то хмурился, доставал телефон и проверял маршрут. Пожилые пассажиры иногда спрашивали вслух:

— Это что, мы уже не по синей едем?

Им отвечали по-разному.

— Да всё нормально, это новый участок.

— Не знаю, сам первый раз так еду.

— Сейчас метро всё перепутали, скоро вообще не разберёшься.

Для города это было небольшое удобство. Для метрополитена — сложный временный режим. Для диспетчеров — дополнительные проверки. Для машинистов — маршрут, к которому нужно привыкнуть, хотя в метро не любят слово «привыкнуть». Там любят слово «регламент».

В электродепо в тот мартовский вечер пахло металлом, мокрой одеждой и крепким чаем из стакана с толстыми стенками. За окнами тянулись серые пути, над ними висела низкая московская весна. Снег уже сошёл, но тепло не пришло. Вода стояла в лужах между шпалами и отражала жёлтые фонари так мутно, будто под ногами была не земля, а старая киноплёнка.

Машинист Сергей Кузнецов сидел в комнате отдыха у стены и листал распечатку графика. Он делал это не потому, что плохо знал работу. Наоборот, потому что знал её слишком хорошо. Новые схемы движения он проверял дважды.

У стола напротив сидел машинист-инструктор Малышев, широкий мужчина с красным лицом и голосом человека, который привык перекрикивать не людей, а тоннель. Он держал кружку двумя руками и смотрел на Кузнецова с лёгкой насмешкой.

— Серёга, ты этот лист уже дырку глазами прожёл.

— Лучше в листе дырка, чем в графике.

— В графике дырок не бывает. Бывают уточнения.

— Уточнения бывают в газетах. У нас бывают нарушения.

Малышев хмыкнул.

— Вот за это тебя и любят. С тобой даже чай пить как инструктаж проходить.

Кузнецов не обиделся. Он вообще редко обижался. Обиды мешали работе, как лишние предметы в кабине. Он провёл пальцем по строке маршрута, остановился на участке после «Парка Победы» и нахмурился.

— Не нравится мне этот переход.

— Какой?

— Синий на жёлтый.

— Да ладно тебе. Не первый раз по служебным соединениям гоняем.

— Одно дело перегонять состав. Другое — пассажирский рейс.

Малышев поставил кружку на стол.

— Всё согласовано. Стрелки, сигналы, диспетчер, график. Ты же сам говорил: если система разрешила, значит, путь задан.

— Я говорил: если система разрешила, значит, надо проверить, почему она разрешила.

Из угла засмеялся молодой машинист Лапин. Он только недавно начал работать самостоятельно и ещё не успел приобрести подземную осторожность, которая приходит не с возрастом, а с первыми настоящими страхами.

— Сергей Викторович, вы как будто не поезд ведёте, а ядерный реактор запускаете.

Кузнецов поднял на него глаза.

— А ты думаешь, большая разница? Там люди и тут люди. Там нельзя ошибиться и тут нельзя.

Лапин смутился, но попытался отшутиться:

— Ну реактор хотя бы в тоннель не уедет.

Малышев усмехнулся, но Кузнецов почему-то не улыбнулся. Он снова посмотрел на график.

— В тоннель уезжает всё, что не проверили наверху.

На секунду в комнате стало тихо. Потом где-то в коридоре хлопнула дверь, раздался голоса, заскрипел стул, и обычная жизнь депо вернулась на место. Но фраза повисла в воздухе неприятно, как запах перегретой изоляции: вроде бы слабый, а уже ясно, что где-то что-то не так.

Кузнецов работал в метро пятнадцать лет. За это время он успел увидеть многое: пассажиров на путях, внезапные остановки, ложные сигналы, обрывы связи, истерики в вагоне, пьяных, которые пытались спорить с автоматическими дверями, и усталых людей, засыпающих стоя. Он знал, что метро кажется механическим только тому, кто смотрит на него с платформы. На самом деле оно живое. Оно дышит вентиляцией, слышит датчиками, моргает светофорами, говорит объявлениями, помнит расписанием и раздражается задержками.

Но живое не значит мистическое.

В мистику Кузнецов не верил. Он считал её слабостью ума. Бывают неисправности, человеческая глупость, нарушение инструкции, плохая организация и редкое совпадение неприят-

ных факторов. Остальное — для газет, телевизора и тех ночных разговоров, когда люди сами себя пугают, чтобы смена быстрее закончилась.

Тем не менее у метро были свои легенды.

О старом обходчике, который слышал поезд на закрытом участке, хотя движение там прекратили десять лет назад. О станции без названия, которую видел путеец в ночном тоннеле и потом три дня не мог нормально говорить. О машинисте, который однажды получил по служебной связи разрешение от диспетчера, умершего за год до этого. О пустом составе, замеченном на неиспользуемом пути в 03:17, хотя по журналу он стоял в депо.

Кузнецов такие истории не пересказывал. Если при нём начинали, он обычно говорил:

— Меньше курить у венткамеры надо.

И разговор заканчивался.

В тот день разговор не закончился.

Когда Лапин ушёл за кипятком, Малышев наклонился ближе и понизил голос:

— Слушай, а тебе правда не нравится этот маршрут или ты просто по привычке ворчишь?

Кузнецов сложил график пополам.

— Правда.

— Почему?

— Слишком много временного.

— В метро половина решений временные. Потом двадцать лет работают.

— Вот именно.

Малышев помолчал. За стеной прошёл поезд, и комната чуть дрогнула, как будто огромный зверь перевернулся во сне.

— На «Парке Победы» всегда сложный узел был, — сказал он. — Глубина, пересадки, заделы, новые линии. Но там всё по документам.

— По документам всегда всё хорошо.

— Ты сейчас как старик говоришь.

— Я и есть старик. Подземный.

Малышев улыбнулся, но уже без насмешки.

— Ладно. Что конкретно смущает?

Кузнецов развернул лист и показал пальцем.

— Вот здесь. Смотри. Восточный ход, потом «Парк Победы», потом переход на новый радиус. Для пассажира это одна поездка. Для нас — несколько разных логик, сшитых в один маршрут. Сигнализация думает участками. График думает интервалами. Диспетчер думает линиями. Машинист думает перегонем. А пассажир вообще думает, что если двери закрылись, значит, поезд обязан приехать на следующую станцию.

— И что?

— Ничего. Просто когда много систем одновременно думают разными кусками, я хочу понимать, кто думает целиком.

Малышев не ответил сразу. Он взял кружку, сделал глоток и поморщился: чай остыл.

— Целиком думает начальство, — сказал он наконец.

Кузнецов посмотрел на него.

Оба рассмеялись, но тихо.

Вечером на «Парке Победы» пассажиров было не так много, как утром, но достаточно, чтобы станция не казалась пустой. Люди стояли у колонн, спускались по эскалаторам, поправляли сумки, смотрели на часы, раздражённо обходили тех, кто шёл слишком медленно. Над платформой висел низкий гул. В таких глубоких станциях звук не просто слышится — он будто живёт внутри камня.

На скамейке ближе к центру сидели две студентки. Одну звали Аня, вторую — Лера. Они учились на архитектурном, устали после пар и спорили уже не потому, что хотели доказать правоту, а потому что спор помогал не заснуть.

— Я тебе говорю, она давит, — сказала Аня, оглядывая зал. — Вся эта монументальность. Как будто тебя заранее обвиняют в недостаточном уважении к истории.

Лера натянула шарф выше подбородка.

— Это называется масштаб.

— Нет, масштаб — это когда красиво и просторно. А тут будто под землёй построили дворец для великанов, а людей пустили случайно.

— Зато не очередная коробка с плиткой.

— Лучше коробка с плиткой, чем станция, где хочется извиниться за то, что ты живой.

Рядом с ними стоял пожилой мужчина с плотным бумажным пакетом. На пакете было напечатано название букинистического магазина, но ручки уже надорвались, и он держал его снизу, прижимая к пальто. Мужчина слушал студенток с едва заметной улыбкой. Наконец не выдержал и сказал:

— Девушки, вы просто молодые. Вам всё, что тяжелее стеклянной перегородки, кажется давящим.

Аня повернулась к нему.

— А вам нравится?

— Мне? — он посмотрел на станцию. — Не знаю. Нравится — не то слово. Она честная. Здесь сразу понятно: город построен не только для удобства.

— А для чего ещё?

Мужчина чуть пожал плечами.

— Для памяти. А память редко бывает удобной.

Лера взглянула на его пакет.

— Вы историк?

— Нет. Бывший инженер. Теперь читатель.

— А что читаете?

Он показал край книги.

— Старые справочники. В них иногда больше правды, чем в мемуарах.

Аня хотела что-то ответить, но в этот момент объявили прибытие поезда. По тоннелю пошёл воздух, на лицах пассажиров дрогнули волосы и шарфы. Из темноты появились фары.

У первой двери, ближе к началу состава, стоял молодой человек с рюкзаком. Его звали Максим, хотя в этой истории его имя ещё долго никто не будет знать. Он приехал на «Парк Победы» без особой цели. Формально ему нужно было домой, но он уже дважды пропустил поезд, потому что не мог отделаться от странного ощущения: будто кто-то позвал его сюда заранее.

Максим смотрел в тоннель ещё до того, как там появился свет. Не как пассажир, ожидающий поезд, а как человек, который пытается вспомнить сон.

На платформе рядом с ним женщина укачивала ребёнка. Мальчику было лет пять. Он то засыпал, то просыпался и капризно тянул мать за рукав.

— Мам, мы домой?

— Домой, Кирюш. Сейчас сядем и поедем.

— А это наш поезд?

— Наш.

— А он точно туда поедет?

Женщина устало улыбнулась.

— Поезда в метро всегда едут туда, куда надо.

Мальчик посмотрел в тоннель и вдруг сказал:

— Не всегда.

Женщина не расслышала или сделала вид, что не расслышала. Поезд уже входил на станцию, и обычный шум прибытия смыл странную детскую фразу.

Состав остановился. Двери открылись. Люди вышли, люди вошли. Всё произошло как всегда: кто-то придержал дверь, кто-то раздражённо попросил пройти вглубь, кто-то встал прямо у входа и стал помехой всем остальным. Метро вернулось к обычной механике человеческих тел.

Кузнецов видел платформу через камеры и боковое стекло. «Парк Победы» он всегда проходил собранно. Слишком глубокая станция, слишком сложный узел, слишком много служебных нюансов. Он отметил посадку, проверил закрытие дверей, получил разрешение.

В кабине было тихо. Настолько тихо, насколько вообще может быть тихо в голове движущегося поезда. Приборы показывали норму. Связь работала. Сигнал разрешал движение.

И всё равно перед отправлением Кузнецов на секунду задержал взгляд на тёмном тоннеле впереди.

— Семнадцатый, отправление по готовности, — прозвучал голос диспетчера.

Кузнецов нажал кнопку связи.

— Семнадцатый понял. Отправляюсь.

Слова были обычные. Такие слова за смену произносят десятки раз. Они не должны были ничего менять. Но иногда именно обычные слова становятся последними, сказанными в нормальном мире.

Двери закрылись.

В вагоне Аня продолжала спорить с Лерой, но уже тише. Пожилой инженер устроил пакет с книгами между ног. Женщина с ребёнком села у двери и поправила мальчику шапку. Максим остался стоять у стекла и смотрел в темноту.

Поезд тронулся.

Сначала всё было правильно. Платформа ушла назад. Свет станции сменился тоннельной темнотой. Колёса набрали ровный ритм. Пассажиры привычно качнулись, кто-то ухватился за поручень, кто-то продолжил смотреть в телефон. Ничего не предвещало ни катастрофы, ни легенды, ни той служебной папки, которую через несколько дней заведут без номера и без права на существование.

Через минуту после отправления Максим нахмурился. В тёмном стекле напротив он увидел отражение вагона, людей, ламп, себя самого. А за отражением — на одно мгновение — будто бы платформу. Не «Парк Победы» и не «Минскую». Другую. Серую, пустую, с жёлтым светом.

Он моргнул. Платформа исчезла.

Рядом мальчик Кирилл поднял голову с материнского плеча и тихо сказал:

— Мам, там кто-то стоял.

— Где?

— За окном.

— Там тоннель.

— Нет. Там станция.

Женщина устало вздохнула.

— Тебе приснилось.

Максим хотел сказать, что ребёнку не приснилось. Но не сказал. В Москве не принято разговаривать с незнакомыми людьми о том, что только что увидел невозможное. Сначала ты проверяешь себя. Потом телефон. Потом снова себя. И только когда странность повторяется, начинаешь бояться.

В кабине Кузнецов тоже заметил первую неправильность. Не приборную, не аварийную, не такую, о которой докладывают немедленно. Просто тоннель казался чуть длиннее, чем дол-

жен. Машинист знает перегон не как карту, а как последовательность ощущений: здесь лёгкий изгиб, здесь меняется звук, здесь мелькает ниша, здесь на стене пятно, здесь до станции остаётся немного.

Ниша появилась вовремя.

Потом появилась ещё раз.

Кузнецов медленно выпрямился.

— Диспетчер, семнадцатый, — сказал он.

В ответ раздалось короткое шипение.

Он повторил вызов. Шипение стало тише, будто связь не пропала, а отошла куда-то в глубину. На панели не горело ничего тревожного. Скорость была штатной. Питание в норме. Путь разрешён.

Только путь почему-то не кончался.

В пассажирском салоне погасла и снова загорелась одна лампа. Никто почти не обратил внимания. В метро лампы иногда мигают, двери иногда дёргаются, объявления иногда звучат невнятно. Город приучил людей не замечать малые сбои, иначе в нём невозможно жить.

Пожилый инженер вдруг наклонился к пакету. Ему показалось, что внутри что-то шевельнулось. Не живое — бумажное. Как будто страницы сами перелистнулись от сквозняка, хотя сквозняка в вагоне не было. Он осторожно заглянул внутрь. Три книги лежали на месте.

Три.

Он пересчитал ещё раз и нахмурился. Почему-то ему показалось, что должно быть четыре.

Аня наконец оторвалась от разговора и посмотрела на часы.

— Слушай, мы долго едем.

Лера пожала плечами.

— Перегон длинный.

— До «Минской»?

— Не знаю. Я первый раз так еду.

— Я тоже.

Они замолчали. Иногда незнание успокаивает, а иногда делает хуже. Если ты не знаешь, сколько должен длиться путь, ты не можешь доказать себе, что уже пора бояться.

Поезд продолжал идти.

В кабине Кузнецов снова вызвал диспетчера. На этот раз в ответе, сквозь помехи, на долю секунды пробился чужой голос. Не диспетчерский. Дальний, глухой, будто записанный на старую плёнку.

— ...следующая...

Потом треск.

Кузнецов замер. Он не любил мистику, но прекрасно знал разницу между помехой и словом.

— Повторите, — сказал он.

Связь молчала.

Впереди тоннель чуть посветлел. Очень слабо, почти незаметно. Так бывает перед станцией, когда свет платформы начинает просачиваться в темноту раньше, чем видишь саму платформу.

Кузнецов сжал рукоять.

По всем расчётам впереди должна была быть «Минская».

Но в тот момент он уже не был в этом уверен.

Глава 2. Машинист Кузнецов

Кузнецов не любил, когда поезд начинал вести себя как человек.

У техники есть хорошие, правильные состояния: включено, выключено, разрешено, запрещено, исправно, неисправно. Бывают промежуточные, неприятные, но тоже понятные: нестабильный контакт, просадка, задержка сигнала, ложное срабатывание. Всё это можно записать в журнал, передать диспетчеру, объяснить мастеру и потом, если понадобится, разобрать на комиссии.

Но иногда машина словно сомневалась. Не ломалась, не отказывала, а именно сомневалась. На панели всё было в норме, ход оставался ровным, состав слушался управления, но опыт говорил: между прибором и реальностью появилась щель.

Сейчас эта щель открылась где-то впереди, в тоннеле после «Парка Победы».

— Диспетчер, семнадцатый, — повторил Кузнецов. — Проверка связи.

В ответ прошёл треск, похожий на сухой песок по стеклу. Потом короткий высокий писк и тишина.

Он посмотрел на скорость. Нормально. На напряжение. Нормально. На сигналы. Нормально. Всё было настолько нормально, что это уже начинало раздражать. Хорошая авария хотя бы честна: горит лампа, падает давление, срабатывает защита, встаёшь по инструкции. Здесь инструкция не успевала начаться, потому что формально ничего не произошло.

Кузнецов осторожно перевёл состав в более внимательный режим ведения. Не рывком, не так, чтобы пассажиры почувствовали. Просто собрался всем телом, как собирается человек, услышавший ночью в квартире чужой шаг.

Тоннель впереди был обычным. Тёмная арка, кабели вдоль стены, пятна старой влаги, редкие служебные огни. Но он уже видел эту последовательность. Ниша с облупленным краем. Два кабельных крепления подряд. Неровная полоса на бетоне. Потом снова ниша с облупленным краем.

Не похожая. Та же.

— Не бывает, — сказал он вслух.

Кабина не ответила.

Он вспомнил, как инструктор Малышев когда-то говорил молодым: «Машинист не должен пугаться. Пугаться можно дома, на кухне, когда счёт за коммуналку пришёл. В кабине ты не пугаешься, ты устанавливаешь факт». Кузнецов тогда ещё смеялся. Теперь он понял, что это была не шутка, а способ выжить.

Он стал устанавливать факты.

Факт первый: поезд ушёл с «Парка Победы» по разрешённому маршруту.

Факт второй: до «Минской» он должен был идти несколько минут.

Факт третий: по внутреннему ощущению перегона прошло уже больше.

Факт четвёртый: связь с диспетчером отсутствует, но приборы не фиксируют отказ.

Факт пятый: тоннель повторяется.

Пятый факт не годился для доклада. Его нельзя было произнести в эфир, даже если бы эфир работал. «Тоннель повторяется» — так говорят не машинисты, а люди после бессонной ночи. Но факт от этого не переставал быть фактом.

В пассажирский салон он решил пока не выходить на связь. Лишняя тревога в вагоне могла стать опаснее самой неисправности. Сорок три человека, вечер, непонятный перегон, отсутствие объяснения. Достаточно одному крикнуть «мы застряли», и спокойная задержка превращается в давку у дверей.

Он потянулся к журналу, чтобы отметить время, и замер.

Служебные часы показывали 21:47.

Он смотрел на них несколько секунд, потом перевёл взгляд на резервные. Те тоже показывали 21:47. Не мигали, не сбросились, не погасли. Просто остановились. Секундная стрелка застыла на отметке так уверенно, будто всегда была частью циферблата.

— Так, — тихо сказал Кузнецов. — Вот это уже разговор.

Он достал личный телефон. Сеть отсутствовала, что в тоннеле было ожидаемо. Время на экране — 21:51. Через секунду — 21:48. Потом экран моргнул и показал 22:03.

Кузнецов выключил его и убрал в карман.

У него была жена Елена, дочь Даша и привычка не звонить домой во время смены. Даша в тот вечер должна была делать доклад по биологии, а Елена наверняка сидела рядом и раздражённо объясняла, что доклад не пишут в последний вечер. Кузнецов поймал себя на мысли, что представляет кухню слишком подробно: свет над столом, чашку с отколотым краем, школьную тетрадь, Елену в старом синем свитере. Такие мысли в кабине были лишними. Они тянули наверх, а машинисту в сложной ситуации нельзя хотеть наверх слишком сильно.

Он снова вызвал диспетчера.

— Диспетчер, семнадцатый. Нахожусь на перегоне после «Парка Победы». Связь неустойчивая. Прошу подтвердить контроль участка.

На этот раз в ответе что-то было.

Сначала шум. Потом глухой голос, будто из соседнего помещения:

— ...семнадцатый... не входил...

— Повторите, — сказал Кузнецов. — Не входил куда?

Шум усилился. Сквозь него прорезалось другое слово:

— ...уже прошёл...

Связь оборвалась.

Кузнецов почувствовал, как по спине прошёл холод. Два сообщения не противоречили друг другу только в одном случае: если их произносили из разных мест системы, которые не знали о существовании друг друга. Но такого не должно было быть.

Он снизил скорость ещё немного. Состав отозвался мягко, послушно. В этом было что-то почти обидное: поезд подчинялся ему, а маршрут — нет.

В салоне замигал вызов от пассажиров.

Кузнецов нажал ответ.

— Машинист слушает.

Сначала было слышно дыхание и приглушённые голоса. Потом мужской голос, сдержанный, но напряжённый:

— Скажите, пожалуйста, мы почему так долго едем? Это нормально?

Кузнецов узнал по интонации человека пожилого, привыкшего не паниковать при свидетелях.

— Следуем по перегону, — сказал он. — Возможна задержка. Прошу сохранять спокойствие и не подходить к дверям.

— А какая следующая станция?

Вопрос был простым. Именно поэтому он оказался самым трудным.

— По маршруту следующая станция «Минская», — ответил Кузнецов.

— По маршруту, — повторил мужчина.

В его голосе было слишком много понимания.

— Представьтесь, — сказал Кузнецов.

— Орлов Виктор Павлович. Инженер. Уже бывший. В третьем вагоне ребёнок видел платформу за окном. Я тоже видел свет. Станции там быть не должно, верно?

Кузнецов помолчал долю секунды. Пассажиру нельзя лгать слишком явно. Ложь в замкнутом пространстве пахнет сильнее дыма.

— Оставайтесь на месте, Виктор Павлович. Проследите, чтобы никто не пытался открывать двери.

— Значит, верно, — сказал Орлов.

— Я сказал: оставайтесь на месте.

— Понял.

Связь с салоном отключилась.

Кузнецов выдохнул. Он почти завидовал этому Орлову: пассажиру можно было бояться честно. Машинисту приходилось бояться по регламенту.

Впереди тоннель начал расширяться. Свет стал заметнее. Сначала Кузнецов решил, что это наконец «Минская», и на короткое мгновение ему стало стыдно за собственные мысли. Вот она, станция. Сейчас всё объяснится: сбой связи, неверное ощущение времени, усталость, временный глюк часов. Потом разберутся.

Но платформа, которая появилась из темноты, не была «Минской».

Она была слишком узкая. Слишком низкая. Стены — голый бетон, не облицованный, с вертикальными следами опалубки. Лампы висели редко, давали старый жёлтый свет. На стене виднелись прямоугольники под указатели, но букв на них не было. В конце платформы уходила вверх лестница, перегороженная металлической цепью. За цепью стояла темнота.

Кузнецов автоматически потянулся к тормозу, но остановил руку. Остановка у неизвестной платформы без команды и без понимания состояния пути могла быть ошибкой. Проезд тоже мог быть ошибкой. Впервые за пятнадцать лет оба решения казались неправильными.

Состав скользнул вдоль платформы.

На ней стоял человек.

Один.

В форме метрополитена старого образца, с фуражкой в руке. Он не махал, не отступал, не пытался подать сигнал. Просто смотрел на кабину. Лицо у него было серое, как бетон за спиной, но глаза казались живыми.

Когда кабина поравнялась с ним, человек беззвучно произнёс что-то губами.

Кузнецов не услышал, но понял.

«Не останавливайся».

Он дал ход.

Станция ушла назад. Жёлтый свет погас за спиной. Тоннель снова сомкнулся впереди.

В кабине стало темнее, хотя приборы горели по-прежнему.

Кузнецов снова вызвал диспетчера. На этот раз сказал не по форме, а как человек:

— Если вы меня слышите, поезд жив. Пассажиры живы. Я не знаю, где мы.

Долгое время был только шум.

Потом из него вышел спокойный, чужой голос:

— Следующая станция...

Пауза.

Название не прозвучало.

Глава 3. После Парка Победы

В вагоне никто ещё не понимал, что стал частью истории, которую потом будут пересказывать шёпотом и обязательно начинать словами: «Официально этого не было».

Пассажиры сначала просто скучали. Это самое обычное состояние метро: человек находится между двумя местами, не принадлежит ни одному из них и делает вид, что времени не существует. Кто-то смотрит в телефон, кто-то читает, кто-то думает о работе, кто-то ненавидит всех вокруг без особой причины.

Аня и Лера сидели рядом, прижав колени к сумкам. После «Парка Победы» они замолчали, потому что спор об архитектуре исчерпал себя. Лера листала ленту, но картинки не загружались. Аня смотрела в тёмное окно и видела там собственное лицо, вытянутое и бледное.

— У тебя интернет есть? — спросила Лера.

— Нет.

— У меня тоже. Хотя обычно тут ловит иногда.

— В тоннеле не обязан.

— Да я не жалуясь. Просто долго как-то.

Аня посмотрела на часы.

— Сколько мы едем?

— Не знаю. Минуты три?

— Больше.

— Ну перегон длинный.

Эта фраза прозвучала неуверенно. Обе это услышали, но ни одна не захотела продолжать.

Через проход сидела женщина с ребёнком. Мальчика звали Кирилл. Он уже не спал. Он смотрел не на мать, не на людей и не в телефон, а в окно. Дети иногда видят в тёмном стекле больше взрослых, потому что ещё не знают, что именно там видеть запрещено.

— Мам, а почему станция была без названия?

Женщина, Екатерина, устало провела ладонью по его волосам.

— Какая станция?

— Там. За окном. Она была жёлтая.

— Тебе приснилось, Кирюш.

— Я не спал.

— Значит, показалось.

Мальчик надулся.

— А дядя тоже видел.

Он показал на Максима у двери. Максим сделал вид, что не заметил, но Екатерина уже посмотрела на него.

— Вы что-то видели? — спросила она.

В метро такие вопросы не задают незнакомым людям. Но ситуация уже немного сдвинулась из обычной колеи, и правила вежливого безразличия начали трескаться.

Максим пожал плечами.

— Свет какой-то. Может, служебная платформа.

— Здесь есть служебные платформы?

— Я не знаю.

Это было честно, но не успокаивало.

Пожилый Орлов поднял глаза от своего пакета.

— В метро много чего есть, чего пассажир не видит. Но служебная платформа с людьми — это уже интереснее.

— С какими людьми? — быстро спросила Екатерина.

Орлов понял, что сказал лишнее.

— Я не уверен. Может, отражение.

— Не было там отражения, — тихо сказал Кирилл.

Вагон качнулся. Свет мигнул. На секунду стало темно, и в этой темноте несколько человек одновременно увидели одно и то же: за окнами, не в отражении, а именно снаружи, прошла светлая полоса платформы. Мгновение — и снова тоннель.

Лера вцепилась в рукав Ани.

— Ты видела?

— Нет.

— Видела.

— Я сказала нет.

— Ань.

— Если я скажу да, станет легче?

Лера отпустила рукав.

Из динамика донёлся щелчок. Обычно перед объявлением он почти незаметен, но сейчас прозвучал громко, как удар ногтем по стеклу. Все подняли головы.

— Уважаемые пассажиры...

Голос был не тот. Не привычный автоматический голос, не голос машиниста. Он был ниже, старше, будто запись сделали много лет назад и несколько раз переписали с плёнки на плёнку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.